Начертано на тучах

Йозеф Чапек

SHOUT
SHARE
IT

- Йозеф Чапек

Йозеф Чапек
Начертано на тучах

Из книги «Начертано на тучах» // Йозеф Чапек. Начертано на тучах. — М.: Художественная литература, 1986. — С. 209-266.

Издана книга была в 1947 г. после смерти писателя, и первому публикатору пришлось использовать в качестве авторского предисловия последние карандашные записи на отдельных листках. (О. Малевич. Йозеф Чапек — прозаик и поэт // Йозеф Чапек. Начертано на тучах. — 1986. — С. 16.)

*

Эта книга получилась не такой, какой была задумана. Писалась она для самого себя и должна была отразить мысли художника о жизни и мире, его стремление уверовать, что жизнь и мир скорее хороши, чем дурны, дабы можно было любить то, что изображаешь и чему даешь толкование. Но книга стала свидетельством всего, что так или иначе вторгалось в раздумья и проблемы, и личные, и общечеловеческие, и национальные. Писать на тучах — совсем не то, что гравировать на бронзе. Драматический ход событий пронизывал немудреные и в целом прямолинейные размышления. Свидетельства о личности художника превратились в свидетельства о времени, в них вступил элемент драматический и содержательный: сугубо личные размышления автора о самом себе под шквальным напором событий поневоле утратили изначальный субъективный и узкопрофессиональный характер, став выражением терзаний, поисками правды более широкого плана, по сравнению с чем все профессиональное и личное становится мелким, незначительным, второстепенным, теряет смысл и отступает на задний план.

*

Мысли приходят в голову без всякой связи захватывают врасплох. Мыслишь афоризмами, но в них всегда есть преемственность Они о личности и о судьбе. В конце концов, в них весь человек — его сущность и его судьба.

*

Словно клочья тумана, отблески зарниц, шорохи короткие замыкания, светлячки над болотом, лопающиеся пузырьки слюны, вскрики во сне, неистовые á ргоро̀s.

*

Он впадал в меланхолию, сознавая,
что все лишь мираж, обман:
и прекрасное, и дурное как страшные сны.

*

Афоризмы. Звездочки. Звездная книга.
Писалось без цели, в пустоту.
Красота мира, красота вещей, розы, птицы.
Даже страшно, что умрешь —
и все это угаснет вместе с тобой,
и твоим близким уже ничего не останется,
для них уже ничего не будет.

*

Ну нет, искусство не «служение» (заказчику) и тем более не жертвоприношение. Искусство — это судьба.

*

Зачем я рисую, зачем пишу? Чтобы отвести душу. У меня нет ни времени, ни дерзости творить произведения искусства.

Я предаюсь жизни, ослеплен жизнью, от меня разит жизнью, я очарован и сокрушен жизнью, устал от нее, ничего в ней не смыслю, телом и душой привязан к жизни, гибну от жизни и сам по себе. Можно лишь отвести душу, а не заниматься творчеством.

*

Искусство не кормит меня; скорее я призван его кормить.

*

Совесть мира. На свете много свидетелей жестокости, порой против нее возвышают голос в публицистике, порой обходят молчанием и тем благословляют.

*

Народность. Народное творчество в современном мире сходит на нет. Могут ли произведения профессиональных художников-интеллектуалов сохранить что-то из его стихийной естественности? (Народность — отнюдь не популярность.) Я утверждаю, что в любом большом художнике именно в современную эпоху есть нечто народное, национальное. У нас — безусловно; во Франции — это Энгр и Домье, Ренуар и Сезанн,

Матисс и Пикассо, Ван Гог, Мунк... в каждом есть что-то, и немало, от национальной мелодии, народного чувства и духа, уже потому, что и самое высокое искусство не создается одним уменьем.

Я рисую не оттого, что умею, что обладаю навыками, а оттого, что такова моя сущность и моя судьба, — я должен и хочу!

(На стороне народного — свобода, на стороне космополитического — школы, выучка, гурманство. Искусство изменяет своему назначению и губит себя, стараясь быть всего лишь ремесленным, формалистическим продуктом для гурманов.)

*

От равнодушия гораздо больше зла, чем от злобы.

*

Горький привкус жизни: в нем ощущаешь кровь и пепел.

*

Трагическое мироощущение: из всех выработанных человеком точек зрения на жизнь, позволяющих приспособиться к ней, покориться и быть прирученным ею, это самое значительное и самое сильное. Самое естественное во всей вселенной. Наверняка наиболее духовное и, пожалуй, самое конкретное.

*

Раскрепощающий смех. Прародители Адам и Ева вряд ли смеялись в раю. Скорее всего, смех разобрал их лишь позднее, после изгнания, когда они в поте лица трудились на каменистой почве.

*

Если бы дети и младенцы были великанами... Вообразим себе их движения, занятия, их живость, игры, их пристрастия и подлинность во всем, их ссоры, страхи, горячность — все в немыслимых, гигантских масштабах. Каким могущественным и волшебным показался бы их мир нам — малым сим! Герои мифов выглядели бы тогда всего лишь олимпийской челядью.

*

Красота в искусстве. Нигде, ни в чем, кроме *духовной сущности* художественного творения, ее нет и быть не может.

*

Художник среди вас. Менее всех заинтересованный и более

всех причастный к делу — само беспокойство. Простодушный, чрезвычайно легковерный — и наиболее проницательный. Чаще других бунтующий — и само очарование. Предельно остраненный — и вездесущий.

*

Радость от малых дел, любовь к малым делам. Все это прекрасно, если умеешь любить и дела великие!

*

Гигант культуры. При этом представляешь себе высоченную башню некоего Храма духа и искусства, на самом же деле это всего лишь фабричная труба.

*

Страдаю ли я от жизни? Еще бы не страдать! Люблю ли я жизнь? Как же ее не любить! Противоречит ли одно другому? Нимало, это и есть сама жизнь!

Преимущество современной архитектуры: несколько любителей новизны выдумали стиль этажерок, полок регистратуры, а люди-карточки угнездились в них и довольны.

*

Уровень, так называемый уровень. Наши художники постоянно опасаются, как бы не оказаться ниже европейского уровня. Мы ощущаем себя провинцией и там, где этого вовсе не нужно бояться. Наше понимание уровня несколько ошибочно: многие полагают, будто уровень — это нечто наиновейшее, последнее, только что доставленное из Парижа. Однако не только авангардизм, но и консерватизм, и даже реакционность могут быть «на уровне» (ведь и Гинайс был для нас своего рода «уровнем»). Уровень всегда легко обретал тенденцию перерастать, «перешагивать» индивидуальность, зачеркивать наиболее самобытную и независимую личность, без долгих раздумий присваивая себе ее место, ее историческую миссию и назначение в национальной культурной жизни. Потому «уровень» всегда тяготел к официозности, к превосходству и диктату, стремился распоряжаться и культурными ценностями, и художественными учреждениями, определял задачи и раздавал почести — и, как правило, цели своей добивался. «Уровень» довольно опасен для культуры: это водная гладь, которая может и поглотить, и стереть с лица земли, и пренебречь тем, что хоть в какой-то мере от него отличается, возвышаясь над ним.

*

Обрести себя, преодолев формализм. Найти в себе силы самому определять для себя закон, творить по своим собственным канонам. Выйти за пределы общего и достичь личной свободы.

Свобода художника — это прежде всего его моральная ответственность.

*

Состояние творца в творчестве отражает прежде всего состояние его нравственности.

*

Деньги — движущая, производительная сила коррупции.

*

Работа над картиной — глубоко внутреннее, духовное событие для художника, впрочем, и для зрителя тоже.

*

Рафаэль и мазила. Разумеется, картины создаются рукой, умеющей держать кисть. Но живопись — отнюдь!

*

Чем поэтичнее созданная художником картина, тем больше в ней правды как в произведении живописи.

*

Искусство — больше смятение, чем уверенность: в нем всегда изрядная доля страсти.

*

Искусство и религия — испокон веку в какой-то мере соперники. Некогда церкви со всей щедростью и выгодой для себя умели подкупить своего конкурента.

*

Содержание само по себе никогда не заполнит творения, созданного равнодушным живописцем. Однако уже сама личность художника есть суть и содержание его творчества.

*

Прожить жизнь — это далеко не все: жизнь надо еще и осмыслить.

*

Нередко успех принимают за гениальность.

*

Бытие ни хорошо и ни плохо, но если бы человек не умел отличать добро от зла, он истребил бы себя на этой земле, потому что по сравнению с другими млекопитающими одарен самыми разнообразными способностями; звери защищают свою жизнь, пользуясь правом сильнейшего, а человек способен пользоваться не только правом сильнейшего, но и правом подлейшего.

*

Задумав картину, наполни ею сердце, только тогда увидят ее и твои глаза.

*

Сколько великих, редчайших, прекрасных духовных сил поглотила религия!

*

Говорить правду в атмосфере неискренности — все равно что бросать деньги на ветер.

*

Хотелось бы мне знать, как, собственно, я живу. Наблюдая за молодыми людьми, я всегда думал, что жизнь — горение. Да, горение, но чаще — всего лишь тление и редко — высокое пламя. (А встречаются такие, кто способен только чадить.)

*

Человеческое в людях неизменно повергается, но с тем же постоянством возрождается вновь.

*

Было бы великой заслугой коммунизма, если бы удалось организовать мир так, чтобы в нем не оставалось места для людского скотства и хищничества. Если бы удалось избавить мир от зверства! Зверь в человеке — коли уж вам нравятся аллегории — хуже, куда гибельнее, чем зверь в звере.

*

Революция? Разумеется! Порядок? Тем лучше!

*

Богатство фантазии: реальность, пронизанная духом. (Так пусть же обогатится моя фантазия и окрепнет дух!)

Чтобы не путать. Все-таки в искусстве гораздо существеннее что, нежели как.

Как — в лучшем случае способ художественного выражения. *Что* — художественное (личностное, духовное и даже надличностное содержание.

В живописи предпочтение должно быть отдано личности художника, лишь потом возникают проблемы изоб-разительной техники.

*

Реальность!! Без реальности не существует магии.

*

Искусство — магия? Что ж иное? Творя из материи, из жизни, из ограниченной и несвободной индивидуальной судьбы художника, — оно обращается ко всеобщему. Творит духовные ценности! Глубоко и сильно воздействует на чувства и сознание. Хочет быть правдой, еще более могучей правдой, чем сами факты физического мира. Что же это, как не магия духа?

*

Тем самым искусство оказывается сродни всему, что творит и формирует человеческий дух. Связано со всем его прошлым, настоящим и будущим. Искусство — говорящее и вечно чарующее свидетельство духа своего времени. Оно навеки связано с судьбой человечества.

*

Солидарность. Я недотепа, неудачник, дикарь, я разбросан, робок — это верно; однако в любом проявлении человеческого величия заключено и мое величие.

*

Романы: берется некая реальность, среда и все подвергаете* литературной обработке. Срок сохранности — 1—3 года.

*

Хочешь знать больше — прежде и чаще всего вопрошай самого себя!

*

В большинстве своем люди заслуживают лучших жизненных условий; лучшие жизненные условия (большей частью) заслуживали бы лучших людей.

*

В поисках ответов наталкиваешься на вопросы.

*

Есть смерти великие, есть смерти убогие, жалкие есть смерти безликие, так же как есть великие, убогие и безликие жизни.

*

Да, да, именно этот мир и никакой иной! Лишь бы в нас, в людях, он стал хоть немного лучше!

*

Совершается великий, затянувшийся социальный переворот Старый мир окончательно и бесповоротно уходит в небытие — даже те, кто хотел бы его удержать, кто пытается «повернуть вспять колесо прогресса», поневоле разрушают его: Франко своими орудиями обратил в развалины не меньше древних городов, церквей, памятников старины, чем те «красные», с «варварством» которых он воюет.

*

В живописи нужно отдавать предпочтение самобытности почерка перед безликой концепцией, самобытной концепции — перед самобытностью почерка, самобытному способу выражения — перед самобытной концепцией, и, конечно, предпочтительнее всего самобытный способ выражения, благодаря которому художник обращается ко множеству людей, к человечеству в целом, хотя, возможно, и не найдет отзыва.

*

«Лицо и изнанка вещей». В мире нет «изнанки» или «лица»; лишь вещи, сделанные человеком, обладают привлекательным «лицом» и куда менее привлекательной «изнанкой».

А скука, обыденность, которые оседают на вещах, сделанных человеком! Пустыни, ледовые поля, степи, неоглядные водные просторы могут быть страшны, удручающи, могут повергать в уныние, но не могут навевать скуку и отдавать обыденностью. А вот скука и обыденность домов, улиц, вокзалов, площадей, предместий, городов, территорий, часть которых отдана под застройку, часть — под культурные посадки, — эти *скука,*

обыденность и уродство отличают великое множество творений рук человеческих!

*

Человек должен быть счастлив.

Счастье он обретает в удовлетворении желаний или получая его нежданно, словно в подарок. Счастье, истинное, подлинное счастье как таковое, не есть удовлетворение желаний, не может оно быть и нечаянным даром; счастье не приходит извне, оно внутри нас.

*

Где нравственная низость обретает власть, там власть оборачивается нравственной низостью.

Держать европейские народы под гнетом непрерывного страха перед войной — самое вопиющее преступление современности. Лучше уж война, чем неизбывный, парализующий страх перед ней.

В постыдную эпоху, во времена ненормальных отношений, извращенных понятий, трудностей и невзгод, когда мы дышим губительным воздухом жестокости и властолюбивой тупости, когда ничтожество попирает любые человеческие ценности, всякое достоинство, когда мы задыхаемся от сознания собственного бессилия и тяготеющего над нами проклятья, я утверждаю: *жаль тратить на все это наши жизни!*

В так называемой динамической и тотальной системе воззрений на жизнь наций не существует такой подлости, низости и преступности, которым (чтобы ничего уже нельзя было различить даже по названию) нельзя было бы придумать самые прекрасные и благозвучные имена.

Ложь в современном мире берет на себя функцию метода. Во время мировой войны из былой торговой рекламы, из умения искусно уговаривать клиента стремительно развилась техника пропаганды, злонамеренной лжи: лгали пресс-бюро, лгали газеты, тучами роились агенты лжи. С тех пор количество средств пропаганды неимоверно возросло; вслед за телеграфом, телефоном, газетами появились радио и кинематограф: с их помощью можно обработать массы за несколько часов.

Общество, которое зиждется на повсеместной фальши, наскоро сколочено из нескольких досок, обтянутых пестрым рваньем. То, что из этого вышло, — не здание, а ярмарочный балаган.

Каким образом никчемный, дурной, вредный человек удерживается (более того, преуспевает) в обществе — вопрос его

дерзости и цинизма, но еще более — испорченности, никчемности, цинизма самого общества.

Люди, человеческие существа подобны нарывам, опухолям, отвратительным и ужасным болячкам. Негодяи, мерзавцы, воры, грабители, мошенники, дармоеды. Им в этом мире есть чем поживиться, чем прокормиться. Жизнь достаточно щедра, чтобы оплачивать людей, сознательно наносящих ей вред.

Что такое великое надувательство? Человеческая глупость, которая, пустив в дело всю свою глупость, старается надуть человеческую глупость и постепенно обретает в этом сноровку.

Урвать выгоду; потом все делать лишь для нее и ради нее, всеми силами стремиться к выгоде. Это и называется: «Добиться в жизни подобающего места».

Общественный организм во многих местах прогнил. И все же здоровой ткани больше; в противном случае человеческое сообщество давно бы распалось. То, что составляет здоровую основу человечества — в самом низу обнаженную жажду жизни, а на самом верху понимание ее высшего смысла, — нельзя уничтожить даже дурными социальными порядками.

Не противиться злу? Нет, противиться изо всех сил, распознав зло прежде всего в самом себе. Главное — не потворствовать злу. Противься злу, иначе ты ему способствуешь. Противься злу, карай зло, чтобы оно не ощущало себя владыкой мира!

*

Художник... Я хочу верить, что все, к чему устремлены моя любовь и моя печаль, мои мечты и изумление, — это правда, реальность ,и что правда, реальность — сама моя любовь, моя печаль, мои мечты и изумление. Что мир не огромный мираж и сам я не жалкий мираж, что мир не тяжкий сон и что я добр.

Художник должен быть необычайно, до слепоты, до болезненности счастлив или очень несчастлив, уныл, испуган, резок, но не смеет быть равнодушным! На одном так называемом темпераменте далеко не уедешь.

Вопрос стоит так: в чем назначение искусства — всего лишь пояснять мир или расширять границы нашего духа?

Искусство подчас во многом уклоняется от общепринятых норм. Да будет это ему дозволено: безболезненно он не вмещается ни в жизненную практику, ни в расхожую житейскую мораль. Проще говоря, оно существует вне среднего уровня — всегда чуть глубже или чуть выше. Способно быть необыкновенно разумным, когда отыскивает простую повседневность, но и весьма восторженным, устремляясь на поиски величия и красоты жизни.

Искусство порой слишком приподнято, поскольку хочет обладать реальностью, почти неуловимой, возвышенной и редчайшей красотой, величием, высшим смыслом, чудом. Искусство высокомерно, горделиво, оторвано от жизни, потому что притязает стать божественным; оно скромно, простодушно и простосердечно, мудро, любвеобильно, потому что хочет быть самым человечным. Соединить божественное с человеческим можно лишь ценой грандиозных внутренних конфликтов, лишь достигнув совершенной гармонии.

Искусство неотделимо от мифа и от философии; поскольку смысл его не только в имитации, оно представляется расплывчатым, неконкретным, неправдоподобным, ускользающим. В нем есть и вера, и кощунственное святотатство, и высокая добродетель, и еретический блуд, неукоснительная дисциплина, отчаяние от несовершенства нашего познания, потусторонний страх и предельный авантюризм. А еще в нем — личные судьбы. Потому-то оно никогда не может быть полностью воспринято и понято, потому к великим художественным произведениям и личностям необходимо возвращаться вновь и вновь.

Искусство не может быть полностью истолковано ни историей искусств, ни эстетикой, ни социологией или психологией; его нельзя ни измерить, ни взвесить — его нужно почувствовать. Разумеется, такое определение не совсем точно; но что поделаешь, если оно в обоих направлениях — вниз, к материальной действительности, и вверх, от нее — постоянное ускользание, мечта!

Шедевр — всегда скорее страстная устремленность, чем полное, завершенное, окончательное воплощение. Именно там, где искусство реализует свои оптимальные возможности, оно способно шагнуть дальше, выше самого себя.

*

Искусство есть проявление человеческой потребности в счастье, человеческого убожества и силы; в сущности, оно — проявление беспокойства, протеста — прекрасной, великой драмы человечества.

Войско обороняющееся и побеждающее — действенное воплощение принципа добра.

Первой и единственной задачей силы, нравственной силы, остается, должна оставаться защита слабых, стремление к торжеству правды.

*

Искусство придает тому, что изображает, особое значение тем, *как* оно его трактует; это *как* в художественном содержании означает *что*.

*

Любовь далеко не все, что этим словом обозначают. Любовь предполагает способность любить, то есть верность. В противном случае это лишь опьянение, сладострастие, сентиментальность, эротика.

Не без участия органов внутренней секреции любовь воздействует на тело и дух, побуждая тело к жизненному проявлению полового инстинкта, дух — к жизненной красоте самой любви.

Только любовь, раскрывающаяся в супружестве и в родительском чувстве, есть любовь в ее целостности.

Жертвенником любви скорее может стать канава или дешевый гостиничный номер «на час», чем супружеская постель, но дети пусть лучше рождаются в постели, а не в канаве.

Человеческие тела предаются любви чаще, чем души. Можно познать хоть сотню женщин, так ни разу и не познав любви.

Половая связь как средство против скуки — такая же повседневная и серая реальность, как сама скука.

Откровенная похоть и сладострастие фавна по сути своей чище, чем половые отношения с использованием противозачаточных средств.

Не стоит называть всякое половое наслаждение любовью. Эротика — лишь лекарство от скуки, род забавы, любовь — это судьба.

*

Искусство — прекрасная правда, отнюдь не красивая ложь.

*

Пусть я не додумаю, не отвечу! Но и задать себе некоторые вопросы, взглянуть им в лицо — уже немало.

*

Вы не должны видеть в ближнем всего лишь конкурента!

*

О литературе. По-настоящему важны не те авторы, которые изображают жизнь, а те, что о ней размышляют

*

В сущности, я счастливый человек. Но не имею возможности в полной мере проявить себя в этом качестве. Да и как может быть несчастным человек, в чьем сердце столько любви ко всему на свете, любви, которая делает его счастливым.

*

Отчего бы мне не гордиться, не находить удовлетворения в том, что я частица мироздания, мирового величия, чисел, времени, пространства, что я соучастник жизни звезд, компаньон вечности и бесконечности? И разве так уж важно, что в своей человеческой доле я не слишком преуспел?

*

С высоким поэтическим духом может сравниться лишь высокий философский дух.

*

Мы скользим по поверхности и потому часто падаем.

*

Любовь к ближнему: быть может, ему и впрямь еще хуже, чем мне?!

*

Консерватизм в культуре, с радостью готовый обнаружить жизненные ценности даже в самых банальных и ничтожных поделках, категорически отказывается видеть их во всем, что в его представлении связано с художественной революцией, а ведь любая революционность куда ближе к жизни, чем банальность. Революционность в искусстве — отнюдь не уход от жизни, не отрицание ее, а напротив — стремление взять ее приступом; ведь никогда не отрицают то, что хотят добыть!

*

К чему страшиться смерти, если м» все равно должны умереть? Разве вы боитесь зрелости, любви, родительских обязанностей, работы, сна, утомления, глубокой старости? Как это жалко — бояться того, что составляет твою естественную суть! Как это прискорбно — видеть в смерти лишь уничтожение, а не ценность!

Смерть — не врата в ничто, смерть — завершение. Пусть будет что завершать: и хорошее, и тяжелое, и плохое; большего тебе, человек, не дано! Да ведь этого и достаточно. :

Мы умираем, потому что мы жили. Смерть приходит за нами,

потому что жизнь исчерпала себя. Чего бояться смерти? Когда умрешь, не будешь знать, что ты мертв!

*

Низкую натуру узнаешь по низким средствам, которыми она пользуется, осуществляя свои планы. И вообще характеры хорошие и дурные узнаются по тому, как они осваивают жизнь и стремятся определить свою судьбу.

*

Варваризация. Национализм, как мы убедились воочию, — это, собственно говоря, способ легко и просто обходиться без культуры.

*

Дешевый оптимизм недавнего прошлого поучал людей, предлагая им рецепты, как жить. Теперь, когда настали худшие времена, скорее пригодился бы оптимизм, который учит умирать.

*

Подлинное искусство всегда несет некоторую (и немалую!) ответственность перед действительностью. Органическое чувство или сознание такой ответственности и составляют важнейшие достоинства живописи, ее духовное величие и колдовство, ее способность воздействовать на наши чувства.

*

Нет сомнения, что мы живем в эпоху великих социальных преобразований. Но уже довольно сомнительно, способны ли мы, тесно связанные с эпохой, понять ее во всех проявлениях. Мы не в состоянии Постичь Свою эпоху ни до самого дна ее убожества, ни до вершин ее надежд."

*

Типичный признак нынешнего мира — динамический рост (публичный характер) жестокости.

*

Если в данный момент нельзя заработать на количестве выпускаемой продукции, предприниматели, вводя рационализацию механизмов, урезают плату рабочим. Невозможно — да и бессмысленно — препятствовать техническому прогрессу. Однако если быть последовательным, нужно признать, что при производстве товаров машина способна

выполнять почти все операции, которые прежде выполнял человек; машина вытеснит человека везде, где это хоть в какой-то мере возможно. Но она не способна заменить его в одном — в человечности, вот из-за чего когда-нибудь произойдёт великий конфликт. И падет в первую очередь то, что окажется менее всего нужным. Машина? Рабочий? Думаю — предприниматель.

*

Когда я размышляю, я не одинок — рядом со мною все, что на протяжении веков постигалось словом.

*

Пожалуй, это дурная рекомендация для нашего мира, что столько сочинений о более совершенном его устройстве было написано именно в форме утопий!

*

Человек по природе своей существо, недовольное всеми остальными.

*

Реальность не обнаружишь на поверхности модели; она внутри, в художнике.

*

Скелеты всегда немного похожи на жуткие карикатуры живых существ.

*

Художнику дана редчайшая человеческая возможность: найти самого себя в творчестве.

*

То, что никогда бы не позволили отдельной личности — терроризм, насилие, даже открытый разбой, — воспринимается как должное, когда это носит тотальный характер, когда так поступают целые нации!

*

Звездный плащ мироздания сшит явно не по человеческой мерке. Каким гигантом должен стать человек, чтобы избавиться от потребности придумывать себе богов!

*

Средний европеец хочет мира главным образом для того,

чтобы спокойно ходить в кино.

*

В этом мире только вооруженный пацифизм может быть активным, нравственным пацифизмом.

Нравственности, добросовестности, честности, справедливости не нужно учить, необходимо строго и настойчиво их внедрять.

Нравственные ценности не исчезают, они вечны, хоть порой их и попирают, и пытаются подчинить силе, хоть насильники и трусы берут их под сомнение.

Пути зла двояки: они или коварно язвительны, или, бесстыдно грубы. Зло всегда избирает линию наименьшего сопротивления — слабость.

Человек умирает в людях прежде всего из-за их легковерности, нежелания думать, а уж потом, во вторую очередь, человек умирает от болезней или войн.

*

Нужно бояться войны, но нельзя дрожать в бою.

Мужество — тоже определенная степень бесчувственности: в пылу боя не замечаешь боли.

*

Мир, который зиждется на легковесности и нравственном равнодушии, разумеется, может быть менее кровавым, но не менее губительным, чем война.

*

Сегодня не такая уж радость быть человеком. Еще безрадостнее это для представителя малого народа, над которым совершается насилие, которого продают.

С конца этого месяца — сентября 1938 года — ты и воин и Иеремия.

*

Пожалуй, живя в этом мире и в этот отрезок времени, я имел возможность и даже необходимость познать, из чего складывается добро и зло человеческого существа:

видел грубое, холодное и яростное насилие, жестокую и слепую волю зла; невежество, необразованность, пустое легкомыслие, самую безнравственную погоню за наживой, бесстыдную фальшь и ничтожнейшую ложь;

видел тягостные картины, когда все заслонял инстинкт

самосохранения, когда торжествовали отвратительный эгоизм, нравственная слабость и разложение, побеждали Трусость, бессмысленное фразерство и грубость; ощутил предельное омерзение и предельный ужас;

увидел красоту и благородство человека, плодотворную и здоровую простоту народных масс, действенное повиновение, самопожертвование, мужество, способность верить и совершать поступки, надежную нравственность и естественную доброту неподкупной человечности, на плечи которой любой мир сможет возложить самые тяжкие беды,

сохранил надежду и веру, не усомнился в существовании добра даже в минуты, когда владычествовало беспросветное зло.

Безопасность народа в его нравственных устоях: только дерево со здоровыми корнями может быть крепким и жизнестойким.

*

Мир не всегда будет опираться на политику; на первый план выдвинется его социальная организация.

*

Лишь тот, кто умеет сносить поражения, способен снести и успехи.

*

Недостаточно, если социальная этика будет лишь предметом лекций и проповедей, она должна стать основой ясных и неукоснительно соблюдаемых законов, непреклонных в вопросах морали общественного строя.

*

Война. Все-таки существует разница между людьми, которые умирают из тупого послушания, и теми, кто умирает за ясные убеждения.

*

Откуда, скажите мне ради Христа, берется столько жестокости, столько кровожадной злости в католических литераторах? Видно, есть верующие, для которых мало крови распятого.

(Гнусные до омерзения, они без конца ополаскивают уста именем господним — чтобы из их ртов не так смердело.)

*

Политика, продиктованная интересами отдельных групп, — это политика хищническая. Бывают трудовые мозоли, есть труд духовный, а это — за рубежом и у нас — труд людей, которых можно сравнить лишь с рвущими добычу стервятниками.

*

Сердце полно печали, но все еще бьется, не дает телу умереть, питает его соленой теплой кровью, которая омывает мозг, — и оттого помыслы твои чисты...

Ты веришь глине, камню? Веришь солнцу и ветру? Веришь цветам и травам, деревьям, птицам, зверью? Отчего же тебе не верить человеку?!

Ты веришь в такие понятия, как правда, честность, справедливость, веришь в добро и порядок, а в человека не поверил бы?

*

В начале октября. Ах, лучше бы я был не человеком. Сегодня я хотел бы стать набатом, возвещающим тревогу!

Голова, в которой помещается лишь «я-я-я», — воистину маленькая голова.

Каждый для себя — самый близкий человек на свете: через себя черпает он из жизни и мира, сам познает и действует. Но он не может оставаться изолированным от других. Крупные масштабы слагаются из множества малых единиц.

*

Не может быть сильным и правдивым тот, чье тщеславие поддерживают дураки и прихлебатели.

*

Сегодня, в это время и в этом месте земного шара. Как не чувствовать себя заодно с бедными, как не быть моралистом, гуманистом, патриотом — то есть всем, что так противно господам?

*

Даже не пророчество. При попустительстве истории и у нас настанет разгул национализма, лжепатриотизма, которые будут жалкой имитацией национализма немецкого, итальянского или испанского (в духе Франко). Они попытаются навязать нам самые жуткие и чуждые нашему национальному духу идеи во имя «чешского патриотизма», и не иностранцы, а как раз самые крикливые патриоты будут вырывать нам языки.

Что может быть для этой несчастной страны ужаснее

порабощения немцами? Порабощение чехами!

Станут выдавать себя за глашатаев и опору нации, за ее полномочных представителей; но именно те, кто будет под их гнетом страдать, кого они будут бить в лицо железным кулаком и давить коваными сапогами, — *именно это и будет нация!*

В народе всегда есть нечто более вечное, нечто такое, чего лишены его губители, что не может быть затоптано до последней искорки и что бессмертно: нравственные силы.

*

Говорят, зло ниспосылается людям с божьего соизволения, во имя высшей справедливости, как предостережение или кара за вины, пусть даже и неосознанные. Просто техника зла иная, чем техника добра; идеалы добра в жизни людей — нечто бесспорно более абстрактное, чем причиняемое им зло. Ведь зло исходит непосредственно от того или иного человека, творится конкретными людьми, занимающими конкретные посты и должности; оно воплощается и концентрируется в намерениях и поведении отдельных индивидуумов и целых групп, объединенных общим интересом. Зло, которое ложится на плечи народа, целой нации, несет им унижение, несправедливость, ложь, порабощение, — результат деятельности человека, плод инициативы и порой весьма терпеливой и тонкой работы неких весьма предприимчивых лиц.

Толпы, человеческие коллективы, целые нации, которые слишком стараются кого-либо поработить, в равной мере порабощают самих себя: несмотря на воодушевление, опьянение, страстный порыв, они становятся всего лишь орудием агрессивной государственной политики.

То, что зло сейчас торжествует, вовсе еще не доказывает, что поверженные идеалы добра, благородства, справедливости превратились в наивную мечту, а лишь свидетельствует о шаткости фундамента, на котором зиждутся эти идеалы в человеческих сердцах и в жизни наций.

*

Национальная свобода добывается и удерживается дорогой ценой, в *последней инстанции* готовностью отдать за нее жизнь.

*

Вне всякого сомнения, больше всего на свете мы хотим превратить свою жизнь в сплошное наслаждение; но счастье, спокойствие, жизненный достаток, душевное равновесие, по-видимому, не могут длиться вечно, это лишь праздничное

состояние человека, большинства людей. Стоит хоть раз познать эти ценности, чтобы стремиться к ним всегда, покуда мы дышим, стоит их потерять и вновь на мгновение обрести, чтобы пружина нашей жизни до самой смерти была предельно натянута.

*

Хлеб — от века заслужен всеми, масло — не каждым, благополучие, покоящееся на ноте и крови других, — никогда и никем.

*

Не среди бедных, а среди богатых больше людей, не способных прокормить себя честным трудом,

*

В современном мире существует не только предательство интеллигентов; еще больше интеллигентов, которых предали.

*

Нация, на которую обрушился страшный удар, должна еще дорасти до понимания своего несчастья. Если этого не случится, значит, великое несчастье было всего лишь великой карой.

*

Во второй половине октября 1938 года. Тревожные слухи. Люди приходят и пугают, мол, не миновать мне концлагеря. Если бы я хоть в полной мере этого заслужил!

*

Когда происходит национальная катастрофа. Кто был виноват? На расправу его! Кто виноват? Не те ли, кто вдруг так энергично стал искать виновных?

*

В Европе нет ни покоя, ни мира, ни радости, есть только их иллюзия; нет в ней и чистой, живительной атмосферы безопасности и благополучия, она лишь обманывает себя их пленительным, нестойким ароматом. Все зависит от того, какой нравственной ценой приходится платить за эту роскошь, приобретаемую отнюдь не на собственные средства.

*

Люди большей частью ошибаются для того, чтобы иметь возможность ошибаться вновь.

*

Как точно, прекрасно и предельно ясно расчерчено на часах безобразное чудище — время!

*

Кажется, будто пожелтевшие листья этой осени опадают с твоего сердца, будто одинокие жухлые листья, кружась на ветру, сухо шелестят и со свистом проносятся по обнаженным просторам твоего нутра; этой зимой ты будешь наг, как остов облетевшего дерева, и отдан на растерзание жестоким метелям.

*

Что я оставлю после себя, когда уйду из этого мира? Что более заслуживает скорбного прощанья, Как не все то, чего я не успел совершить?

*

Неизвестное возникает перед человеческой мыслью соответственно потребности его познания.

*

Ну хорошо, природа равнодушна к страданиям человека. Но ведь и человек жесток к радостям природы!

*

20 октября 1938 года, половина пятого. Все пылает в золоте и пурпуре заката. Как прекрасна была бы нынешняя осень, если бы она излучала столь же яркое сиянье и изнутри!

*

Эпоха, в которую люди должны опасаться за свое существование, за самое обыкновенное человеческое достоинство, за жизнь, — не великая, а страшная эпоха; это эпоха, когда величие — удел страстотерпцев.

*

Добро надо активно защищать в той мере, в какой оно активно противостоит злу.

*

Лишь тот, кто всем желает добра, сам его заслуживает.

*

Пока ты в состоянии купить хорошую книгу, ты еще не нищий.

*

Слишком любя себя, мы совершаем большую ошибку; презирая себя, ошибаемся вдвойне.

*

Смерть в борьбе за свободу — гораздо больше жизнь, чем бессильное прозябание в рабстве.

*

Свобода, правда, справедливость — не просто дары жизни, еще менее — нечто самоочевидное; это ценности, за которые каждый день нужно идти на бой.

*

Люблю ли я жизнь? Да, и еще как: слепо!

*

Что такое добро и зло? Зло — не особая самостоятельная держава по соседству с державой добра. Что такое добро — мы знаем: человечество располагало достаточным запасом времени, чтобы установить его элементарные принципы. В сущности, это всего несколько основных заповедей. Представления о добре наверняка заложены в нас с рождения: добром ты считаешь то, что способствует жизни и безопасности твоей собственной и твоей семьи и что в той же мере полезно всем ближним. Право, все эти представления и законы могли за столь долгое время устояться и отшлифоваться. Следовательно, добро содержит в себе нечто всеобщее и надличностное, в то время как зло почти всегда носит личностный характер, будучи связано с конкретным поведением, с проступками отдельных лиц или групп. Зло среди нас, людей, чаще всего вытекает из нравственной слабости, из пренебрежения к благу ближнего, из грубого и насильственного обращения с добром, которое обкрадывают и грабят. Зло не бесцельно, поскольку оно корыстно. Оно бывает необъяснимым, потому что сверх всяких помышлений и ожиданий отвратительно и жестоко.

В чем же суть добра? Оно, безусловно, идёт по пути гармоничного равновесия между чувством, и разумом, по пути духовности, подчиненной не одним лишь сугубо материальным интересам, по пути гуманно организованного целого, противостоящего эгоизму анархических толп. Добро проявляется

в стремлении строить борьбу за жизнь со всеми ее зоологическими и материально-общественными, социальными и политическими формами на фундаменте духовного величия.

В старое время это называлось путем души к богу. Наше время, в сущности, не знает ни души, ни бога. Ныне, когда так явственна хрупкость человека в его созидательной и разрушительной деятельности, рассуждая о добре и зле, не занимаемся ли мы всего лишь возведением воздушных замков?

*

Злые, страшные времена проносятся над нашей обреченной на тяжкие испытания страной, нам суждено жить и страдать в годы злого, страшного кризиса европейской совести. Настала пора, когда живущие рядом с тобой люди лишаются человеческих прав, когда растоптано элементарное человеческое достоинство, когда любое из священных достояний культурного человечества без всяких околичностей может быть принесено в жертву самой грубой идеологии, Это время дебоширов, насильников, корыстолюбцев, время грубой силы и нравственного упадка, циничной и мрачной тирании. Пускай, все равно я вижу, как близится прекрасное, великое мгновенье: тот счастливый победный час, когда совесть Европы пробудится и восстанет! Великий миг, прекрасный акт сопротивления, а за ним — новый порядок: то дружное и могучее усилие, когда разом будут вновь отвоеваны человеческие права и естественное человеческое достоинство займет подобающее место, когда будет положен конец разгулу корыстолюбцев и насильников, кичливо и бесстыдно погрязших в грехе. Когда люди, в большинстве своем страдающие ныне от лжи, поднимутся в едином мощном порыве и сразу обретут смысл и цель существования: смыть со своей эпохи пятно позора. Как бы ни было сейчас ужасно, как бы зла и черна ни была вокруг ночь, чем хуже сегодня, тем больше славных дел будет потом! Наши нынешние беды не напрасны: они существуют, чтобы мы преодолели их во славу будущего. Вряд ли свершится все, что должно свершиться, но миг великого человеческого деянья и триумфа настанет. Пробейте же, пробейте этот час, куранты истории!

*

Люди ошибаются, они неустойчивы, слабы. Человечество сильно.

*

Свобода не голая, самоцельная, руководимая расчетом

энергия. Свобода есть мысль, потому что она подразумевает выбор между более низкими и более высокими возможностями.

*

Что существовало на свете хоть однажды, останется навсегда; что бы ни миновало, ни было уничтожено равнодушным, безостановочным временем, — все это продолжает жить в едином мировом целом. Не такая уж самоочевидная истина: «ничто сущее не подвластно уничтожению». Уничтожить можно многое, и это не просто изменение или расторжение связей в комбинации молекул. Сожгите огнем или кислотой Рембрандтово «Возвращение блудного сына», молекулы наверняка распадутся и образуют иные соединения, количество энергии и материи при этом, возможно, сохранится, и все же в единый миг будут уничтожены мысль и форма, не тождественные неуничтожимой материальной энергии. Очень многое из творений человека может быть уничтожено до последней пылинки, — а ведь и в ней таится мысль и художественная форма, — очень многое и было безвозвратно уничтожено, исчезло в равнодушном, безостановочном времени; однако в мировом целом, где время неподвижно, все это существует и никакой силой не может быть устранено, стерто. Ход событий есть движение во времени, бытие — неразложимое целое; ход событий может быть разрушительным: протяженность его во времени — низвергающийся и исчезающий поток; бытие безгранично и всеобъемлюще, оно безраздельно содержит в себе все, его время — глубина.

*

Носить оружие, применять оружие — одна из самых исключительных, самых, удивительных, самых ответственных прерогатив в этом цивилизованном мире. С оружием в руках можно быть убийцей, отнимать имущество и жизни или — наоборот — быть их защитником. Убийца только жесток, он только хищник; лишь защитник может стать героем.

*

Не глуби́ны, а поверхность жизни — главная опасность для *души*.

*

Принцип развития веками существует в природе и жизни, очевидно, не для того, чтобы когда-нибудь было достигнуто некое высшее, конечное совершенство; способствующие развитию

действенные ферменты в лучшем случае удерживают природу от остановки и гибели.

*

Еще и теперь, по прошествии сотен тысяч лет, человек не всегда умеет стоять прямо.

*

Мы содержим в порядке поля и сады, не только выращивая на них плоды земли, но и уничтожая сорняки.

*

Сильная личность: не позволил ослабить себя никаким нравственным чувствам!

*

Что бы ты ни урвал в этой жизни, с собой в могилу ничего материального не унесешь!

*

Органы чувств лгут нам, свидетельствуя об окружающем мире, но как прекрасно лгут — не насытиться и не оторваться!

*

Культуру нельзя ни приобрести, ни купить; тут необходимо соучастие и сотворчество.

*

Ах, конечно, надо верить в работу, в работу самостоятельную, честную. Тут не противопоказан и даже необходим оптимизм, именно в такой работе и закладываются подлинные основы разумного и оправданного оптимизма. Однако переносить бездумный оптимизм на весь ход мировой истории — поверхностно, безрассудно, сумасбродно.

*

Результатом духовной борьбы в жизни становится сама эта борьба, борьба постоянно длящаяся и незавершенная, не знающая ни окончательного поражения, ни полной победы. Итак, где же готовое решение, гарантированный рецепт жизни? Нет такого рецепта; где взять напрокат лестницу, по которой можно взобраться на небо? Очевидно, духовная борьба и есть смысл нашей жизни. Во имя этого смысла мы стремимся осуществить нравственный порядок, чтобы жизнь не превратилась в полную

анархию и не оторвалась от нравственных ценностей. Пусть хоть они занимают в нашей жизни твердо установленное место, остаются Исходной точкой и высшей целью всех поисков и устремлений. Не пытайся их расшатать — не они решетка твоей тесной тюрьмы!

*

Романы? И верно, почему бы нет? Но выдумка — это еще не раздумье.

*

Родина ранима — да, правда! Мы так остро ощущаем это! Но она бессмертна, бессмертна!

*

Жизнь не бывает и не должна быть безоблачным счастьем, уже сама по себе — она великий дар. Но она и не страданье, хотя может стать невыносимо трудной, придавить тяжким бременем. Просто она и то и другое: великое счастье и великая забота. Кто полагает, что всех перехитрит, умудрившись ловко упростить свою жизнь в обеих ее ипостасях, лишает себя существенной стороны бытия. Обрести иллюзию счастья, лихорадочно уклоняясь от страданий, — значит держаться на скользкой поверхности мазута и вообще не жить. Жизнь — не школа лавирования и практицизма, а борьба. И к тому же, прошу учесть, наряду с борьбой за существование нам предстоит вести еще одну, более значительную борьбу — нравственную!

*

Воля к жизни должна стать волей не служить злу.

*

Нация, чье существование в опасности, должна вооружиться и духовно; здесь те окопы и крепости, которые не сможет уничтожить никакая артиллерия.

*

Национальное единство. Не тот, кто сумеет объединить нацию с помощью диктата и запретов, а лишь тот, Кто воздвигнет это единство на фундаменте благородной любви, справедливости и свободы, способен повести за собой нацию!

*

Свобода должна быть свободой творить добро, а не зло.

*

Слабость Западной Европы: даже сегодня она не может позволить себе такую роскошь, как совесть.

*

Природа не создает отдельных экземпляров, отдельные экземпляры ее не интересуют, природа мыслит множествами. И все-таки для живых существ характерно стремление к индивидуализации; каждое существо самостоятельно, на собственный страх и риск добивается индивидуального своеобразия: индивидуум единичен и потому неповторим.

Отчасти это относится и к художественному произведению. Хотя концепция принадлежит художнику, произведение стремится жить своей жизнью. Часто оно диктует художнику собственные законы, добивается своего, пытается направлять художника, приказывать ему. Произведение в самом себе содержит некие силы, органическую и логическую энергию, которая принимает участие в творческом акте, заставляя художника считаться с ней. Так художественное произведение в известной мере творит самое себя, выявляя свою самобытность, индивидуальность именно на стадии зарождения и развития — во многом по собственной воле.

Вероятно, и творения природы, стремясь к индивидуализации и тем самым соучаствуя в создании и развитии нашего мира, могут вносить какой-то вклад в богатство и разнообразие жизни на земле.

*

Не вызывает сомнения, что низкое, безнравственное, гнусное состояние Европы ныне стало великим бедствием, однако в конечном счете это и почва для появления великих людей: революционеров, реформаторов и вождей завтрашнего дня.

Звери живут лишь настоящим, не зная ни вчера, ни завтра; только дух придает жизни перспективу вечности.

*

Наше настоящее, безусловно, не представляется жизнью в сиянии ласкового солнца. Лучи света, которые прорезают тьму, борются с мраком, они исполнены драматизма, ге-роичны по самому своему характеру, это свет чистый и мужественный, свет освобождения!

*

Несчастнейшие люди — те, кому наедине с собой скучно.

*

Рабовладение, торговля людьми еще не полностью отменены в Европе. До сих пор что-то от этого осталось в международной дипломатии и ее соглашениях.

*

Сатира и карикатура, над которыми среди туч там, наверху, не мерцают звезды высокого идеализма, не более чем язвительность, жалкая ухмылка.

*

Мир, подчиненный интересам держав и разделенный в соответствии с этими интересами, разумеется, не может не быть предметом интриг, спекуляции и в конечном итоге — войн.

*

Стихи, хорошие стихи — это сама правда; романы не столь достоверны.

*

Великой гордостью современного человека стал материальный прогресс. Создавая химические соединения и сложные машины, мы ощущаем себя на вершине могущества и с некоторым сожалением смотрим с этой высоты на человека прежних времен, который еще не умел создавать ни химических соединений, ни машин. Был ли он в самом деле меньше, этот человек, творивший там, внизу, у самых истоков образованности? Тот, кто создавал речь, первоосновы мышления, поэзии, права?

*

Почему необходимо соблюдать нравственные требования? Прежде всего потому, что они вытекают из ответственности, из долга перед целым, из общности с другими людьми, — из всего, что упрощает нашу жизнь. Не соблюдает нравственных заповедей тот, кто не умеет подчиниться этому долгу, тем самым прямо определяя себя как личность общественно опасную.

Ну, а так ли уж важно для каждого человеческое сообщество? Безусловно. Ни для одного из нас оно не бывает и не может быть чем-то далеким и чужим, с чем можно было бы порвать всякую связь. Уже одно только я и ты устанавливает общественные отношения; что же говорить о десятках, о тысячах, о миллионах людей!

*

Я не наблюдатель, я участник.

*

Творя искусство, нельзя начинать с вершин, можно — только с корней. Мало учиться у мастеров: перенимать высокие тайны ремесла и усердно пытаться перенести их на современное творчество. Важнее понять — откуда мастера к этому пришли. Решающую роль играют сокровенные, глубинные причины, самые корни творчества; лишь от них начинается настоящий путь. В противном случае мы остались бы только при технике, при не столь существенной сноровке, о чем достаточно убедительно свидетельствует большинство произведений академических художников XIX века.

*

В отдельном индивидууме и в множествах содержится некий фермент; каждый из нас несет в себе хоть крупицу человечности. В этом источник совершающихся иногда актов высшей нравственности.

*

За мнение, будто торговля и политика имеют собственную, отличную от иных сфер человеческой деятельности мораль, мир не раз дорого платил и деньгами, и драмами в политике.

*

Если нам предлагают «не забывать о реальности», значит, готовится весьма безнравственный обман.

*

Совершенное человеческое общество требует от своих членов:
работы,
уважения к законам,
сознательной гражданской дисциплины —

и обеспечивает им:
хлеб,
охрану,
свободу.

*

Развитие и тревоги нашего мира не могут постоянно

находиться в руках богачей. Недопустимо, чтобы все без конца вертелось вокруг политики приобретения рент и сбережения имущества, ведь это вещи столь непрочные и непостоянные, что их нельзя без ущерба переносить из кризиса в кризис, через потрясения и сдвиги, которым такая политика, как бы ни старалась, не может воспрепятствовать. Единственные надежные ценности, о которых могла бы заботиться честная политика, — это труд и справедливость.

*

Во время трагического кризиса осенью 1938 года мы могли встретить англичан, которые стыдились, что они англичане, Французов, которые стыдились, что они французы; а после всего пережитого нами, в пору национального бедствия, — и чехов, стыдившихся, что они чехи; не стыдились лишь победители, хотя в истории бывают случаи, когда можно не только провозглашать «горе побежденным», но и *позор победителям!*

*

Человечество, если оно не хочет бессмысленно топтаться во тьме, на своем историческом пути должно нести перед собой свет. И, пожалуй, не только свет разума, но и свет нравственности; к этому необходимо стремиться и всем наукам и искусствам.

*

Что сохранилось, что осталось от золота и драгоценностей, которые награбили конкистадоры в Древнем Перу и Мексике? Вся добыча, вывезенная из старой Америки, превратилась в ничто, в прах; лишь две ценности удержались и стали подлинным достоянием европейцев: картофель и кукуруза.

*

Я уже немало прожил, чтобы познать жизнь; достаточно — чтобы ее взвесить: это вещь великая, тяжелая, сладкая и жестокая. Но ради всего этого не стоило бы так настойчиво, так судорожно за нее цепляться. Однако жизнь, с самого нашего появления на свет, вступая в нас, избирая нас своим вместилищем, дает нам возможность стать человеком, стать самим собой; жизнь дарит нам неповторимый шанс. Впрочем, если бы такая возможность быть самим собой не имела еще и нравственной причины, этот дар был бы растрачен попусту.

*

Торгуют золотом, оружием, никелем, копрой, нефтью,

опиумом, хлопком, торгуют целыми народами.

Как подумаю, что где-нибудь далеко какой-то совершенно не знакомый мне лорд ценой моих страданий и страданий моих ближних преуспевает в финансовых делах, все во мне негодует: и человеческое достоинство, и народный гнев, и жажда мести!

*

Если не страдаешь сам, но рядом страдают другие, кричи, протестуй, борись, поднимай бурю!

*

Самое отвратительное в бурные времена — чтение старых газет. То, о чем три недели назад писалось как о бесспорном факте, ныне — вопиющая бессмыслица, что считалось истиной — ныне постыдная глупость, что выражало определенную точку зрения, вывернуто наизнанку, что почиталось, втаптывается в грязь. Нет более наглядной картины человеческого непостоянства, неведения, безрассудства, бесхарактерности и подлости, чем та, какую являют собой газеты.

*

Привычка принимать удары: поначалу ты оглушен, потом чувствуешь, что человек прямо-таки создан, чтобы переносить удары.

*

Низменный идеал жизни, которым отличается большая часть нынешних обитателей Европы, присущее им нравственное отупение в союзе с материальным оптимизмом возникли из слишком примитивного, но удобного представления, будто прогресс носит механический характер, будто все прекраснейшим образом само собой движется вперед и при наличии материальной воли к прогрессу уже не нужны никакая этическая воля, никакие этические идеалы. Без нравственного отношения к жизни, без культуры мы движемся не столько вперед, сколько вниз. К бескультурью, к нравственному упадку, к абсолютному верхоглядству, примитивизму — в окружении высокой техники.

*

Мало в своих суждениях опираться на правду; из них еще должны взрасти вера и надежда.

*

Когда современному человеку приходится выбирать между

нравственной силой и низостью, он обычно избирает нравственную слабость.

*

Человеку свойственно ошибаться. — Допустим, но почему вы ошибались так высокомерно, с такой жестокостью? — Я был убежден, будто все, что я сегодня считаю ошибкой, правда. — Почему же вы оказались неспособны распознать истину? — Потому что человеку свойственно ошибаться. И т. д., и т. п. И все же: почему так яростно и высокомерно, почему с такой жестокостью?

*

Это верно, что разные категории людей заслуживают и ада, и чистилища, и рая.

Право же, человечество, у которого был Гомер, Иоанн Богослов, Шекспир, Рембрандт, Гойя, Бетховен, не просто клубок копошащихся червей.

*

Порабощение — это такое общественное состояние, когда нельзя выразить национальную и социальную боль; *когда нельзя называть вещи их подлинными именами.*

*

Кто не умеет честно осуждать и любить себя, тот не может честно осуждать и любить ближнего.

*

Если дурному вкусу протянуть палец, он тут же схватит всю руку.

*

Помни, дружище, никто тебя так не любит, как ты сам.

*

Избегать страданий — разумно, здраво, а порой довольно-таки трусливо; но иногда это почти равносильно самоубийству.

*

Что будет со мной, если нагрянут беды. *А что будет со всеми?!*

*

Без дисциплины демократия рухнет и распадется. Свобода дается человечеству не для того, чтобы дробить его на атомы, а для того, чтобы объединять. Отношение одного человека к другому само по себе еще отнюдь не социальный фактор; социальный прогресс может иметь дело только с большими числами, со множествами, целыми.

*

Сегодня больше, чем когда-либо, стало отчетливо видно, что во времена всеобщего помрачения разум и порядочность считаются опасными подрывными элементами.

*

«Не обремененный прошлым» — но, значит, и честью, и совестью.

*

Для многих из нас почти весь мир рухнул в ту осень 1938 года. Мы живем на развалинах, и наши представления об исторической справедливости, о цене нравственности и о прочности истины сильно пошатнулись — какая беда! И все же — какие задачи встают перед нами!

*

Нам кажется, будто мы видим страшный сон, но это еще куда страшнее: гнусная действительность.

*

Подлинные реформы не могут быть частичными, только генеральными, не могут быть временными, только постоянными. Если вещи должны встать «на свои места», нужно освободить и дать им эти места.

*

О недостаточно действенной силе человеческого разума свидетельствует тот факт, что история творится больше кровью, чем идеями, ценой крови совершаются сдвиги и повороты; да и готовность народов произвести какие-то перемены, свершить исторические деяния, хоть на время сбросить оковы порождается скорее непереносимым страданием, чем конструктивной мыслью. Однако разум всегда может упорядочивать и направлять в более высокое русло выросшие из страданий поступки.

*

Свободу, право, справедливость нужно хранить и защищать повсюду в мире; иначе над ними во всем мире нависнет угроза.

*

Вы любите юмор и не подозреваете, что подчас он выражает предельный ужас.

*

Дисциплина существует не для того, чтобы ограничивать свободу, а чтобы давать ей простор.

*

Маршируют, топочут сапожищами по дорогам; в окружении природы надо ходить тихо.

*

Жизнь, несомненно, должна быть счастьем; в противном случае за нее так бы не цеплялись. Пожалуй, можно пользоваться жизнью как личным, ни к чему не обязывающим даром, но из честного отношения к ней все же вытекают некие нравственные обязательства: нельзя просто принимать счастье бытия, нужно и что-то давать за него. В благодарность за подаренную тебе жизнь нужно всегда ей помогать, за поддержку и охрану со стороны общества надо брать на себя действенные обязательства.

*

Есть много людей, которые гораздо лучше — а бывает, и гораздо хуже — условий их существования.

*

Жизнь человека, жизнь людей — все это зиждется больше на деятельности, чем на нравственности. Обычно в течение жизни люди бесконечно спотыкаются о нравственные основы, пытаются их обойти, умалить их значение.

Для чего нужна деятельность? Естественно, она продиктована инстинктом самосохранения; ее цель личная выгода, личное благо и только во вторую очередь — да и то не всегда — общая польза. А поскольку человек чаще всего склонен видеть личное благо, личную выгоду прежде всего в обретении материального достатка и в удовлетворении тщеславия, в его деятельность с самого начала проникают элементы поведения узкоэгоистического, аморального, асоциального: его жажда деятельности и сама его деятельность становятся чем-то дурным, даже вредным.

Смысл человеческой деятельности, безусловно, коренится в удовлетворении потребностей; но все на свете зависит от того, какой ценой, каким образом, с какой пользой для других добивается человек этого удовлетворения.

Вопрос внутреннего удовлетворения в самом глубоком и высоком смысле — вопрос нравственный.

Лишь изредка имеет место подлинная деятельность, соединенная с подлинной мудростью, обращенная вовне, и характерна она лишь для очень немногих людей.

*

Сама по себе отдельная человеческая жизнь не много значит; это лишь случайная, всегда не слишком обязательная и легко заменимая частичка неисчерпаемого природного множества.

Право же, дружище, не стоило бы тебе так много, так настойчиво, так безоглядно о себе заботиться, если бы... если бы человеческая жизнь не обретала ценность и значение в соприкосновении с другими жизнями: в семье, в обществе, в нации, в государстве.

*

Как ничтожно мал, как затерян во вселенной — как велик и ценен в жизни — человек!

*

Остановиться на том, *что есть*, значит не участвовать в том, *что должно быть*. В той мере, в какой все сущее обладает человеческим естеством, в какой оно возникло в результате деятельности людей, оно может быть из еще лучших побуждений разрушено и создано заново, хотя всякая человеческая деятельность несет на себе печать присущего нам, людям, несовершенства.

*

Труд для всех? Это первейшая необходимость. Однако прекрасный и достойный человека миропорядок подразумевал бы нечто большее: свободу труда.

*

Личность возникает из ее определенной, неповторимой гармонии или дисгармонии с остальным миром.

*

По себе самому, не по другим должен человек подниматься

вверх, если действительно хочет достигнуть высот

*

Печать. Самые лживые и полные фальши сообщения обычно все еще содержат слишком непосредственные и достоверные сведения о том, чем они продиктованы и каков их источник.

*

Тем, что я делаю, что знаю, умею, к чему стремлюсь, я никого не хочу развлекать; я хочу одного — оставить свидетельство.

*

Не золото, а грязь мира — драгоценнейшая его материя: она из праха мертвых, из пота, слез и крови.

*

О земля! На тебе хозяйничают, приказывают, распоряжаются, тебя портят и уничтожают; и никому-то в голову не придет, что эта планета со всеми своими битвами и бедами парит в небесном просторе...

*

Человек ограничен:
1) своим окружением,
2) своим внутренним содержанием.

*

Страдать? Да! Но хоть не зря, а за что-то прекрасное и высокое. Чтобы и страдание было действенным.

*

Триада: материя — жизнь — сознание!

Откуда взялась материя? Как возникла жизнь? Из чего зародилось сознание?

Скорее всего:

Материя никогда не нуждалась в возникновении; никогда в основе мироздания не могло быть «ничто», глубочайшая яма небытия, — вселенная по природе своей с самого начала материальна. Составляющая ее материя содержалась в ней всегда. Вселенная но бесконечна, но вся она и каждая ее частичка существуют в бесконечности. (Пространство и время связаны с материей, с материальной основой.) Вселенная не пребывает в лоне бесконечности статично, она несет в себе бесконечность на своем головокружительном пути.

Космическая материя, в сущности, несложная и распыленная, не мертва: в ней есть тенденция постоянно формироваться, соединяться и расширяться, действенно реагировать, вступать во взаимосвязи, менять обличил. Она изначально активна и динамична, ее энергия возрастает с ростом возможностей. С огромной мощью, жадно пользуется она любой возможностью и, стремясь достичь своего максимума, свершает все, на что способна. Группируясь, изменяясь, слагаясь, она не просто поступает в согласии с законами природы, но сама их творит и определяет.

Средства космического созидания механические и физические, но смысл его органический, вселенски индивидуальный. В главных его силах: притяжении и отталкивании — заключена и основа определенного принципа индивидуализации, к которой явственно стремится все сущее. Вселенная — это индивидуум; небесные тела, металлы, минералы — индивидуумы; кристаллы, скалы, горные массивы, пустыни, водные пространства, различные уголки земли — все хочет быть своего рода полноценной индивидуальностью, все хочет стать в своем строении и по-добиях как можно больше самим собой, все стремится достигнуть совершенства в бесконечном разнообразии жизненных форм.

Притяжение и отталкивание участвуют в становлении всякого индивидуума.

Между формой органической и неорганической нет четкой границы. И неорганическая материя в различных своих формах есть жизнь. Органическая жизнь не является каким-то обособленным принципом в жизнедеятельности вселенной: среди безграничных возможностей материи она — одна из самых высших, с ней теснее всего связан принцип индивидуализации. В органическом ряду материя обретает форму своеобразных индивидуальностей, своеобразных скоплений и нерасторжимых целостных образований. Все живое таит в себе центростремительную и центробежную тенденцию, тяготение к всеобщности (длительности и множественности) и индивидуализации (исключительности, своеобразию), и то и другое — каждое в своем роде — представляет собой существенный элемент борьбы за жизнь. И скопление отдельных индивидуумов, отдельных частиц, руководимое жизненными стимулами, под воздействием принципа индивидуализации создает более своеобразное, более интегральное самобытное целое, чем то, которое могло бы возникнуть из чисто механического сложения (2 + 2 = 4 + жизненная сила).

Жизнь творит, исходя из препятствий и выгод; и то и другое

несет в себе импульсы, способствующие индивидуализации. Природа создает бесконечное многообразие форм; если бы у нее не было этой склонности к индивидуализации, их могло быть значительно меньше. В природе, в ее растительном и животном ряду, содержание (начиная с самого физического устройства) может иметь бесконечное множество форм; однако формы не могут иметь бесконечное множество содержаний (это относится и к искусству). Каждая функция в природе создает соответствующий элемент. Природа не руководствуется эстетическими принципами, но постоянно достигает красоты в своем естественном развитии.

Все живое, что в результате стремления к индивидуализации хоть как-то превышает стандартный видовой тип, тем самым создает для себя опасность, выделяется из целого, становясь новой вещью, новой формой, претендующей на способность к самосохранению.

Сознание — опять же в силу принципа индивидуализации — есть высшая возможность органической жизни. (Как сама органическая жизнь была одной из возможностей материи, так сознание — одна из высших возможностей органической жизни.) Жизнь, связанная с организмами, не хочет быть слепой силой; она хочет быть ограниченной в себе самой, сознающей себя.

Итак, в определенном смысле вселенная таит некую потребность в сознании. Эта потребность воплотилась в человеке, существе весьма неустойчивом и хрупком...

Стремление к индивидуализации — роковая и драматическая склонность всей космической и земной жизни.

С этим принципом организации вселенной и жизни, безусловно, согласуются и нравственные человеческие принципы; в них тоже проявляются центростремительные и центробежные тенденции, силы, направленные на человеческую индивидуальность и на общество. Нравственные усилия представляют собой в жизни активный, творческий элемент, помогающий отдельным личностям и общественным целым достигать более высоких, органически своеобразных форм; присоединяясь к индивидуальной и общественной жизнедеятельности, эти усилия облагораживают ее высшим сознанием. Нравственные усилия полностью равнозначны принадлежности человека вселенной.

*

Несвобода: в лучшем случае позволительно констатировать, когда надо прямо протестовать; молчать, когда надо констатировать.

Аморальность: констатировать, когда надо осуждать; молчать, когда надо кричать во весь голос.

*

Великое искусство — продукт и гениальности и совестливости.

*

Между тем, что мы хотим и что должны, протекает вся наша жизнь.

*

Недостаток мужества, очевидно, возникает, когда нечего защищать.

*

Как бы ни был хрупок и подвержен ошибкам человек, все же его род изначально отмечен стремлением к лучшему.

*

Как трагически потерян, одинок во вселенной человек, не ведающий бога, но как добр, как мужествен!

Человек склонен мыслить гораздо чаще и больше, чем позволяют его знания, и говорит гораздо чаще и

*

Речь идет не о том, чтобы разгадать загадки и понять смысл вселенной; хоть бы осознать свое отношение к ним!

*

Верой люди живут, скепсис помогает им подвести итоги.

*

Истины хороши, сомнения привлекательны, тайны заманчивы.

*

Боюсь, что бога нет. Однако, если нет бога, то существо, которое мы называем человеком, — далеко не то, что мы привыкли обозначать этим словом, а всего только одно из млекопитающих. — Почему же тогда ты так веруешь в душу? — Чтобы человек не был для меня лишь чудовищным животным с орудиями труда, машинами, фабриками, магазинами, корыстолюбивой политикой; чудовищным млекопитающим, вся

ценность которого зависит от количества золота в его мешках.

*

Человеческая мысль — это и наслаждение, и тоска, и труд, и тревога, и протест.

больше, чем мыслит.

*

К чему нравственность, если не существует высшего смысла жизни? Но сколько высочайшего смысла в самой нравственности!

*

Пустой человек требует от мира все, от себя — ничего.

*

И случайность есть столкновение необходимостей и закономерностей; только столкновение экстраординарное.

*

К автохарактеристике. Потребность высказываться во мне сильнее, чем потребность убеждать.

*

Героизм существует в жизни не как эстетическое зрелище, а как пример для подражания.

*

«Цель оправдывает средства». Но зачастую цели так и не достигают, и потом от всей затеи остаются одни только вонючие неоправданные средства.

*

Жить за счет ближних — это ведь тоже своего рода людоедство.

*

Где-то в нашем теле наверняка должен быть особый орган — средоточие импульсов, вложенных в зарождающегося человека прямо из общего потока жизни. Рядом с этим большая часть жизненных реакций и проявлений человека кажется простой функцией его отдельных или связанных воедино органов, а сверх всего... в нем еще есть и то, что составляет его своеобразную и целостную личность. Тело начинает умирать, только когда расстройством каких-либо функциональных органов затронут

этот первоначальный импульс, когда личность утрачивает источник жизненной энергии.

Душа, очевидно, тесно связана с телом, с живым неповторимым телом, хоть и не является его химическим и физическим продуктом. В мертвом теле нет ни жизни, ни души: жизненный импульс выбит из своей строго ограниченной колеи, прочие, более механические проявления жизни — одни резко, другие постепенно — затухают и разрушаются. То, что мы называем душой, в умирающем теле угасает; вряд ли существует какой-то единый космический резервуар, где концентрировалась бы вся духовная энергия и куда души могли бы возвращаться. То, что было душой, что остается, наверняка возвращается во вселенную — ибо в ней пребывает все — и, сливаясь с ней, существует, неотделимо от нее и утратив самостоятельность, в ее величии, в ее огромном целом. Душа не вечна и никогда вечной не была. Твоя душа, человек, — это твоя гордость и твое творение, твое высшее и — увы, безнадежное — притязание на вечность!

О душа, как это грустно, как мучительно: у тебя нет отца, о мужественное, прекрасное, благородное создание!

Твой высший смысл и твоя цель, человек, — в тебе самом; если бы тебе не было дано иметь душу — ведь говорят, что ты создан по образу и подобию божьему, — ты был бы всего лишь ужасным, чудовищным, надменным и бессмысленным животным.

*

Мой внутренний огонь: порой светит, порой только жжет.

*

Еще и потому мы страшимся смерти, что иногда она похожа на дезертирство.

*

Нынче и впрямь жить гнусно; но еще гнуснее было бы сложить оружие.

*

Большинство, а не меньшинство людей должно быть счастливо; пока же большая часть человеческого рода несчастна; счастливые, вероятно, составляют лишь малый процент, некое исключение. То, что мы в повседневном обиходе зовем счастьем, — не благополучие, а чувство удовлетворенности.

Обычно оно возникает от удовлетворения материальных потребностей; душа никогда не насыщается сполна: ее

потребности нематериальны.

Непресыщенная душа — душа напряженная, пылающая, окрыленная.

*

Кто воюет, не так тяжело переносит ужас побоища и полученные раны.

*

Искусство остается копией природы или действительности в том смысле, что рядом с естественной природой созидает свою естественность, рядом с действительностью реальной воздвигает свою внутреннюю действительность.

*

В семье европейских наций славяне больше и дольше всех были рабами, терпевшими господство других наций, в то время как некоторые более счастливые нации непрерывно пользовались выгодами самостоятельности и свободы. Из этого для нас вытекает нравственное предостережение и ободрение: серьезность в отношении к свободе, уважение к правам, готовность встать на защиту справедливости.

Это не привилегии, но, что гораздо важнее, вечные и святые идеалы.

*

В поисках жизненного смысла я вложил в эти записи всю свою радость и всю печаль, веру и сомнения, ощущение жизни и смерти.

*

Пытаясь задушить нас, унижая нас, вы еще больше опозорили себя.

*

Чем значительнее художественное произведение, тем меньше оно напоминает что-либо иное и тем больше — само себя.

*

Не более чем размышления художника: стоит ли чего-нибудь то, что он делает, не само творение его рук, а его материал, то, из чего он творит, — мир вокруг него и он сам. Это и есть его материал. Иов. Или, пожалуй, еще скромнее: я не взыскую страдальческого венца, скорее — внутренней уверенности.

*

Замко́вый камень.

Это верно, художник должен чувствовать и мыслить картинами. Встречаясь с миром явлений, он страшится за свой внутренний мир. Не оказался бы тот всего лишь обманом, мучительным обманом, видением без существенного содержания. Вместе — прекрасное с дурным — плохой театр.

Ведь художник живет на развалинах мира. То есть на развалинах старого, гибнущего мира, а разные Франко, которые, казалось бы, хотят его удержать и сохранить, лишь вызывают пожары бомбардировкой, разрушают его

здание убийствами и осадой. Гигантское здание старого мира идет на слом, и мы остались без крова, без пристанища. Как осажденный Мадрид. Много героизма, в кинотеатрах по-прежнему демонстрируются фильмы, а когда начинают выть сирены (в нас), мы разбегаемся по щелям и, щурясь, с тоской смотрим на солнце.

Страх перед пустотой. Чтобы мир художника хоть чего-то стоил. Чтобы не был огромными развалинами. Счастье, любовь, правда... слова, которыми мы так часто пользуемся, не должны быть пустыми. Не должны стать всего-навсего звуком, блестящим стеклянным шариком, которым играет искусство, которым ради минутной забавы, развлечения (нечто вроде дешевого романса) ...играет весь мир.

И довольно. Жизнь не пишется, жизнь живется.